

Николай ИВАНОВ:

«На Севере червивых людей значительно меньше»

Российский писатель и публицист – о профессии и творчестве

Георгий ГУДИМ-ЛЕВКОВИЧ

В гостях у известного писателя и поэта Игоря Гуревича в программе «Книжная лавка» на ГТРК «Поморье» – Николай Иванов, российский писатель и публицист, офицер-десантник, ветеран боевых действий в Афганистане и Чечне, военный журналист, главный редактор журнала «Советский воин» и газеты «Налоговая полиция», полковник в отставке, председатель правления Союза писателей России с 15 февраля 2018 года. Автор более 20 книг.

– Николай Федорович, как-то вы сказали, что ни о чем не жалеете из того, что случилось с вами в жизни...

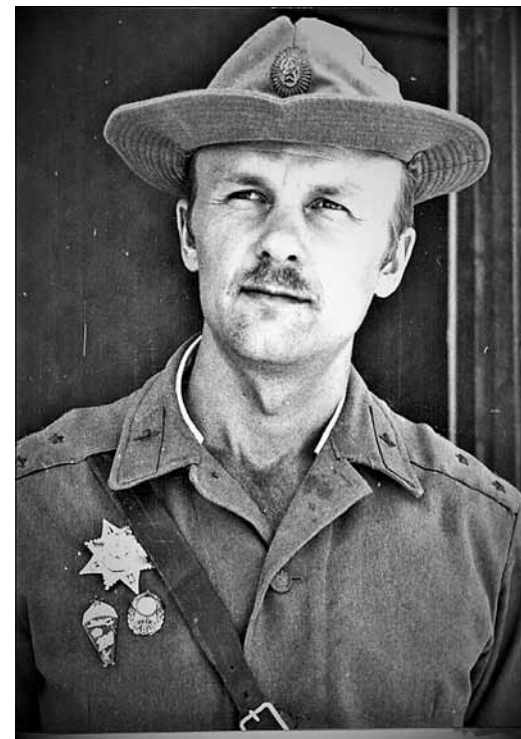
– Я для себя определил так: есть один день рождения, а все остальное – судьба, которая зависит от нас. Родился в Брянской области, в селе Страчево, в 1,5 км от границы с Украиной, Сумской области. Так получилось, что райцентр на Украине был ближе, и я родился там. Поэтому, конечно, все что сейчас там происходит, болью отзывается у меня в сердце. События трагические, но это бремя легло на наши плечи, и мы должны его достойно нести.

– История вашей семьи связана с Великой Отечественной войной.

– Да, сначала в партизаны ушел дед, он был председателем колхоза, стал комиссаром партизанского отряда. Мать ушла в отряд в 17 лет, было целое партизанское село в лесу на краю болота, и назвали его Дальше некуда. Дед погиб при прорыве из окружения в 1943 году, а мама вывела семерых раненых через болото, была награждена орденом Красной Звезды. Отец – сержант, командир пулеметного расчета «Максим», был ранен под Кенигсбергом, его спасла санитарная собака, которая дотащила его до медсанбата. У меня большая писательская мечта – написать о животных на войне. Множество историй: олено-транспортные батальоны, которые формировали у вас в Ненецком округе, лошади, которые плыли, навьюченные боеприпасами, во время десанта на Курильские острова, собаки-саперы в Пальмире, в Сирии. Не зря на Поклонной горе стоит памятник монгольской лошадке, которые оказали на войне огромную помощь нашим солдатам.

– Все-таки наша судьба во многом определена тем, где мы родились, кто нас воспитал...

«Мы те, кто в детстве сидели на коленях, сказки и песни слушали. Что нам наши родные и близкие дали – это и есть наша снова»

– Мы те, кто в детстве сидели на коленях, сказки и песни слушали. Что нам наши родные и близкие дали – это и есть наша основа. И, кстати, если снова вернуться к Украине, то ведь даже не дети тех, кто это все начал в 1990-е, а их внуки сейчас самые злые.

– История вашей семьи нашла отражение в вашем творчестве?

– Практически в каждом произведении. Мы вытаскиваем это из уголков нашей памяти, хотя нам порой кажется, что это сам придумал. Это помогает творить и писать. Мы выстраиваем сюжетные линии, окунаясь в нашу память, основываясь на личном опыте. Поэтому, так или иначе, во всех книгах есть семейная память и личный опыт. Вы знаете, как я поступаю, приезжая в свою деревню? У нас очень любят песни, очень разговорный язык интересный. И я прошу жену накрыть столик, пригласить бабушек, и она начинает их расспрашивать. А я с блокнотиком сажусь за стеночкой и записываю. Как говорил Чехов, задача писателя – подсматривать и подслушивать.

– Выбор профессии военного был предопределен? Или вы его сделали сами?

– Это был мой выбор, но он был предопределен тем культом защитника Отечества, безусловным уважением к армии, который был в семье. Мы в детстве, конечно, играли в войну, создавали партизанские отряды, рыли окопы. Поэтому когда я прочитал книги, которые сделали мою жизнь и судьбу: «Счастливейший день суворовца Криничного» и «Уходим завтра в море», я твердо решил стать военным.

– А как сейчас? Современным мальчишкам это близко?

– Сейчас время открывает новые героические страницы истории. Мы ехали на Саур-могилу на Донбассе, где были жестокие бои. А вокруг – множество живности: косу-

ли, белки, птицы. Я спрашиваю: почему так? Отвечают: так война. На войне охота запрещена, непонятно, кто где стреляет. И до меня доходит как до писателя, что на войне людям разрешено убивать только людей. Но когда мы приехали на эту гору, где памятник погибшим в Великой Отечественной войне, расстрелянный, посеченный пулями, мне с гордостью сказали: мы восстановим. Я ответил: ради Бога, не надо, пусть останется так, не надо ретушировать память о том, что было сейчас. Мы стали ведь во многом забывать об огромном трагизме Великой Отечественной, когда маршальские мемуары победили войну. Фронты, армии – это, конечно, важно. Но сугубо важно личное восприятие простого солдата, капля дождя на колючей проволоке. Или такой факт: войну выиграла раненые – две трети фронтовиков в строю в 1945 году имели ранения. И они победили. Об этом нужно говорить и писать. Как и о Сирии, Донбассе, Украине.

– Среди ваших книг есть роман «Афганский шторм». Это документальное повествование?

– Да, я сам афганец, и однажды я задумался не о том, как ввели войска, а почему? И поиск ответа привел меня к тем лицам, тем политическим деятелям, которые принимали решение. Я прекрасно понимал, что не могло быть так. Что Брежнев и Политбюро просто захотели повоевать. Наверное, были серьезные причины, чтобы принять такое решение. И я стал их искать. Это было не просто, не только архивы были не доступны, многие участники событий – тоже, особенно в высших эшелонах. Я из-за этой книги в космос не полетел. Тогда я был спецкором журнала «Советский воин», писал о запусках на Байконуре и в Плесецке, был знаком с Германом Титовым. И как раз появилась идея полета в космос журналиста, начали отбор в отряд космонавтов. Я подал рапорт, я подходил по всем параметрам. Но начал работать над книгой, и

«Мы в детстве, конечно, играли в войну, создавали партизанские отряды, рыли окопы. Поэтому когда я прочитал книги, которые сделали мою жизнь и судьбу: «Счастливейший день суворовца Криничного» и «Уходим завтра в море», я твердо решил стать военным»

я понял, что это мой долг. Я увидел объем темы и поэтому решил довести задуманное до конца. Да, в книге есть вымышленные герои, но все события основаны на подлинных фактах.

– Еще один роман – «Спецназ, который не вернется» посвящен событиям в Чечне...

– Я тогда служил в налоговой полиции. Название родилось из 1-й чеченской кампании, ведь тогда многие не возвращались. Я поехал собирать материал в Чечню. И так получилось, что мог не вернуться сам. Меня захватили в плен, в котором я провел четыре месяца, сидел в яме, в зиндане, пока меня не освободили наши. Это было подлое время, война имела подлые стороны. Сегодня офицер взял высоту, он герой, завтра звонок из Москвы или приезд депутата, правозащитника – и сразу уже не герой, а мародер. И ведь некоторые места брали по пять-семь раз, и офицеры были то героями, то мерзавцами. И то, что армия выстояла, офицеры выстояли в такой обстановке, – это удивительно. Когда я сидел в плену, боевики мне говорили: «Если ты полковник, останешься жив, мы тебя потом проведем по нашей свободной Ичкерии, будут стоять золотые памятники Джохару Дудаеву, генералу Лебедю и третий – правозащитнику Ковалеву».

– Вам в итоге удалось поработать в Чечне в газете.

– Да, была такая удивительная страница в биографии. Я был замом главного редактора – ответственным секретарем газеты «Чечня свободная», вернувшись в Чечню освобождаемую и уже без оружия.

– Вы заслуженно получили премию им. Валентина Распутина за роман «Реки помнят свои берега». Книгу презентовали в Архангельске на фестивале «Белый июнь». Она посвящена тяжелому периоду распада СССР.

– Я это название хранил 10 лет, вынашивая замысел этого народного романа. Сделал попытку осмыслить этот период нашей истории. Предисловие написал мой друг и сопредседатель правления Союза писателей Михаил Ножкин. И я очень рад, что книга нашла своих читателей и в Архангельске.

– В Союзе писателей сейчас обсуждается введение самой профессии писатель. Ведь формально ее сейчас не существует?

– Да, такая тема обсуждается. У нас пока нет таких профессий, как писатель и музыкант. Некоторые говорят – и не надо. Нет званий «Заслуженный писатель», «Народный писатель». Слава Богу, в министерстве труда сейчас этот вопрос прорабатывается. Есть много спорных моментов, начиная с того, кого считать писателем, каковы критерии отнесения к профессии. Но к сентябрю рабочая группа должна выработать предложения.

– Вам Архангельск лег на душу?

– Да, я пятый раз в вашем городе. Вы знаете, лег на душу набережная, вдумчивость, неторопливость. И, как мне сказали однажды, на Севере червивых грибов не бывает. Я думаю, что на Севере и червивых людей значительно меньше, чем в других местах.